

встрѣтился «нѣкоторый неизвѣстный человѣкъ» (позабыли или не сочли нужнымъ спросить: кто онъ именно, и откуда?) и угадывалъ, будто по богодуховской дорогѣ только-что проѣхалъ крестьянинъ, верхомъ на пѣгой кобылѣ, которая, какъ видно изъ объясненныхъ примѣтъ, во всѣхъ статяхъ походить на украденную. Трудно рѣшить, по какому странному предчувствію Николай Ѡадѣвичъ Писарекъ такъ разговаривалъ со встрѣчнымъ «неизвѣстнымъ человѣкомъ», и вдругъ ему настолько повѣрилъ, что, отложивъ поискъ въ Цитовѣ, бросился на богодуховскую дорогу. Во всякомъ случаѣ, предчувствіе не обмануло почтеннаго старшину: черезъ какія-нибудь пять минутъ, преслѣдователи уже настигли Щастнева, ѣхавшаго верхомъ на украденной Синичкѣ.

— Братцы! Такъ нѣшто я ее кралъ?!—воскликнулъ Алексѣй Ивановичъ, постигнувъ, наконецъ, въ чемъ именно его обвиняютъ.

— А то кто же? Ужъ не сама ли къ тебѣ прибѣжала?—насмѣшливо возразилъ урядникъ.

— Нѣтъ, хуть не сама. Мировой приказалъ мнѣ доставить ее къ Миколоау Ѡадѣичу на Верхній Хуторъ, вотъ что. Я и поѣхалъ, потому — мы не можемъ ослушаться. А про воровство я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, разрази меня Господь!

— Мирово-о-ой?! Это еще что! Который?

— Все нашъ же, Лександра Василичъ.

Алексѣй Ивановичъ рассказалъ дѣло во всей подробности, и притомъ такъ убѣдительно, что даже урядникъ на минуту задумался.

— Ты вѣдь врешь вѣрно? Только морочишь насъ баснями?—воскликнулъ онъ подозрительно.

— Вотъ тѣ хрестъ, истинная правда!—перекрестился Алексѣй Ивановичъ.

— Что за дьявольщина?.. Впрочемъ, это PROVĚRITЬ не долго. А покуда—маршъ впередъ!

О. Ромеръ.